

АСТРА ГРЕЙ

Прошлое не
умирает

Правда где-
то рядом

Кто
следующий?

ДЕЛО № -

Связи решают
всё и всё

Тени
памяти

Вектор РАСПАДА

ПАМЯТЬ — СЕТЬ. И КАЖДАЯ СВЯЗЬ ВЕДЁТ К НЕМУ.

Астра Грей

Вектор распада

<https://litres.ru/74398669>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вектор распада расширяет канву: медицинская этика, коммерциализация памяти и политические интриги. Герои сталкиваются с тем, что воспоминания, биографии и личности — это ресурсы, которыми можно управлять, покупать и перепрограммировать. Лада не просто расследует преступления — она становится угрозой для всей схемы, потому что её память сама становится неуловимым ключом к разоблачению. Финал книги оставляет открытым путь к дальнейшей развязке серии, но при этом даёт читателю ощущение, что зло вышло из-под контроля и уже на пороге новых изменений в мире памяти и медицины.

Астра Грей

Вектор распада

ВЕКТОР РАСПАДА

«Разрушить память легко — достаточно одной правильной молекулы. Трагедия начинается тогда, когда тело продолжает жить, а человек уже умер».

— Из материалов уголовного дела № 404/А («Протокол "Асклепий"»)

ГЛАВА 1 . Инъекция пустоты

Холл главного корпуса «Асклепия» встретил их стерильной, почти зловещей белизной. Здесь не пахло привычной больницей — ни хлоркой, ни лекарствами. Воздух был пересушен кондиционерами и насквозь пропитан слабым, сладковатым ароматом озона и свежей водоземulsionной краски.

Вдоль стен тянулись матовые стеклянные панели, за которыми угадывались бесшумно движущиеся тени персонала в белых комбинезонах. Ни звука, ни шага, ни громкого голоса — только ровный, гудящий низкий гул, исходивший, казалось, прямо из-под полированного наливного пола.

— Экскурсия впечатляет, — тихо буркнул Москалёв, когда их подошвы бесшумно ступили на зеркальное покрытие. Егор Владимирович озирался по сторонам с откровенным подозрением, заложив большие пальцы за ремень. — Больше похоже на секретный бункер, чем на детский санаторий.

— «Асклепий» — закрытый научно-исследовательский комплекс премиум-класса, Егор Владимирович, — шепотом отозвался Арсений, идя чуть впереди и выравнивая шаг с Ладой. — Здесь проходят реабилитацию дети с тяжелейшими поражениями ЦНС. Патологии, от которых отказались ведущие клиники Европы.

— И как в эту обитель милосердия попала сирота Аня Соколова из местного интерната? — спросила Лада, не сбавляя шага и жестко фиксируя взглядом каждый датчик на потолке. — У интерната явно нет средств на «премиум-класс».

Разумовский на секунду запнулся, но тут же мягко ответил:

— Социальная программа нашего фонда. Профессор Соколовский лично отбирал детей с редкими формами эпилепсии и дегенеративных расстройств.

— Отбирал как подопытных мышей, — отредактировал

Москалёв.

В конце длинного коридора бесшумно раздвинулись тяжелые двери из матового стекла. За ними открылся просторный кабинет-лаборатория.

За массивным металлическим столом, заваленным распечатками ЭЭГ и трехмерными моделями головного мозга, сидел мужчина лет шестидесяти. На нём был безупречно выглаженный темно-синий хирургический костюм. Коротко стриженные седые волосы, узкие очки в тонкой титановой оправе и абсолютно сухие, цепкие пальцы, складно сложенные «домиком».

Профессор Валерий Аркадьевич Соколовский.

— Майор Москалёв, доктор Вершинина, — Соколовский поднимался навстречу, не делая ни одного лишнего движения. Голос его звучал сухо, ритмично, словно тиканье лабораторных часов. — Арсений Сергеевич предупредил о вашем визите. Хотя, признаться, я искренне не понимаю, зачем следователям по уголовным делам тратить время на клинический случай.

— Девочка из вашего центра найдена на озере в коме с просверленным черепом, профессор, — отрезал Москалёв,

останавливаясь по центру кабинета. — Это у вас называется «клиническим случаем»?

Соколовский даже не моргнул. Он спокойно снял очки, вытер линзы специальной салфеткой и посмотрел прямо на Ладу, проигнорировав выпад Егора:

— Вы судебно-медицинский эксперт, доктор Вершинина. Вы должны понимать язык фактов, а не эмоций вашего коллеги. Анна Соколова страдала тяжелейшей, некупируемой формой фокальной эпилепсии с прогрессирующим расстройством психики. Месяц назад у нее случился психотический приступ. Она самовольно покинула территорию.

— А трепанационные микропроколы на ее скальпе тоже образовались в результате приступа? — с ледяной интонацией спросила Лада, подступая к его столу. — Тонкие фрезевые отверстия диаметром один и два десятых миллиметра. Без признаков хирургического шва. Направленные строго в область гиппокампа и миндалевидного тела.

Соколовский на секунду прищурился. В его глазах мелькнул жесткий, профессиональный интерес:

— Поразительная наблюдательность. Но вы делаете ложные выводы. Это следы экспериментальной стереотаксиче-

ской нейромодуляции. Процедура проводилась с официального согласия опекунского совета интерната. Мы пытались купировать эпилептический очаг.

— И в итоге полностью выжгли ей нейронные связи? — тихо, но с нарастающим гневом проговорила Вершинина. — У девочки синдром отвержения собственной личности! Сенсорная агнозия! Она не узнает предметы, не реагирует на речь и застряла в состоянии вегетативного кокона!

— Медицина требует жертв ради прорывов, доктор, — холодно отозвался Соколовский. — Иногда мозг отторгает вмешательство, как чужеродный орган. Это синдром отвержения. Но мы искали ключ к лечению тысяч других детей.

— Вы искали способ стирать память, профессор, — чеканно произнес Москалёв, делая шаг к столу и упираясь в него кулаками. — И где вторая девочка? Маша Еремина. Из того же интерната. Она пропала из «Асклепия» трое суток назад. Ей тоже «купировали очаг»?

В кабинете зависла звенящая, опасная тишина.

Соколовский медленно надел очки обратно, переведя тяжёлый взгляд на Арсения Разумовского.

— Арсений Сергеевич... Кажется, ваши полицейские друзья выходят за рамки своих полномочий.

Разумовский сделал шаг вперед, вставая между Москалёвым и профессором, но его лицо на этот раз было необычайно серьезным:

— Валерий Аркадьевич... О пропаже второй девочки вы мне не сообщали. Показывайте изолятор. Сейчас же.

ГЛАВА 2. Эхо подвалов

Подземный ярус «Асклепия» отличался от белоснежных надземных этажей. Здесь, на глубине пяти метров под землей, стены были сложены из старого, еще дореволюционного кирпича — наследия усадебных подвалов, над которыми возвели современный корпус.

Вздутая масляная краска, сухой холод и навязчивое, низкое гудение дизельного генератора.

Соколовский шел первым, отбивая четкий, размеренный шаг. За ним следовали Москалёв и Лада. Арсений замыкал шествие; его руки были сжаты в карманах пальто, а на лице впервые проступала неподдельная растерянность.

— Подземный секционный блок был законсервирован

еще в прошлом году, — сухо пояснял профессор, поворачивая тяжелый латунный ключ в замке массивной герметичной двери. — Здесь хранится лишь старое оборудование для томографии и архив медицинских карт.

— Архив не закрывают на двойной ригельный замок, Соколовский, — отрезал Егор Владимирович, вплотную подступая к открывающейся створке.

Дверь подалась с тяжелым, плотным шипением уплотнителя.

Внутри стоял полумрак. Единственный источник света — уличный фонарь, пробивавшийся сквозь высоко расположенное узкое подвальное окно с двойной решеткой.

Лада щелкнула тумблером своего мощного экспертного фонаря. Яркий белый луч разрезал темноту, выхватив из нее ряды стальных стеллажей, накрытые брезентом медицинские установки и... операционный стол в центре помещения.

— Опустите фонарь, Вершинина, — сипло проговорил Москалёв.

Но Лада уже шаг за шагом приближалась к столу.

На стальном ложе лежало тело. Маленькое, хрупкое, одетое в стандартную серую пижаму интерната. На вид девочке было не больше двенадцати лет. На ее голове была закреплена жесткая стереотаксическая рама — стальной обруч с тончайшими направляющими иглами, уходящими прямо под кожу скальпа в области темени.

— Маша Еремина... — тихо произнес Арсений из-за их спин. В его голосе впервые прозвучали настоящие, незаученные ноты ужаса. — Валерий Аркадьевич... Что это?

— Это не я! — впервые за весь день потерял самообладание Соколовский. Его голос дал трещину, выдав панические интонации. — Процедура была запланирована на завтра! Я не вводил ее в наркоз! Я не монтировал раму!

Лада уже опустилась на одно колено у изголовья стола. Надев двойные перчатки, она аккуратно прикоснулась к сонной артерии девочки, а затем посветила узким лучом в ее полуоткрытые глаза.

— Она жива, — констатировала Вершинина. Голос ее был абсолютно ледяным, хотя внутри всё сжалось в жесткий узел. — Глубокий медикаментозный сон. Кома второй степени. Но смотрите на установку...

Лада указала лучом на тонкий гибкий катетер, отходящий от стереотаксической рамы к прозрачному стеклянному сосуду на стойке.

В сосуде медленно, капля за каплей, собиралась прозрачная, слегка желтоватая жидкость — спинномозговая пункция, смешанная с неизвестным маслянистым раствором.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.